

Васиян Роман Иванович

Доцент Департамента гуманитарного и социально-экономического образования ФГАОУВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», (Россия, Екатеринбург), заместитель генерального директора по правовому обеспечению и корпоративному управлению АО «Концерн «Уралвагонзавод».

SPIN-код: 4128-3056.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются теоретико-правовые основы концепции обеспечения защиты прав и законных интересов субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации Российской Федерации. Рассматриваются ключевые категории и понятийные ряды, формирующие концептуальную основу защиты прав субъектов в цифровой среде, включая цифровые права, персональные данные, публично-правовую информацию и деятельность посреднических цифровых платформ. Особое внимание уделяется проблеме соотношения публичных и частных интересов, а также вопросам обеспечения баланса между цифровой безопасностью государства и защитой прав участников цифровых отношений. Анализируются современные нормативные правовые акты, судебная практика и международные подходы к регулированию цифровой среды. Сделан вывод о необходимости формирования комплексного механизма правовой защиты субъектов экономической деятельности, основанного на принципах пропорциональности, системности и технологической адаптивности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые права, защита прав, цифровые платформы, информационная безопасность, публичные и частные интересы.

Vasyan Roman Ivanovich

Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Education, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, Deputy Director General for Legal Support and Corporate Governance, Uralvagonzavod Concern JSC.

SPIN code: 4128-3056.

E-mail: R_Vasiyan@mail.ru.

Contact phone number: 8-905-76-99-777

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF ENSURING THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF ECONOMIC ENTITIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article examines the theoretical and legal foundations of the concept for ensuring the protection of the rights and legitimate interests of economic entities in the context of the digital transformation of the Russian Federation. The study analyzes the key categories and conceptual frameworks forming the basis for the protection of rights in the digital environment, including digital rights, personal data, public legal information, and intermediary digital platforms. Particular attention is paid to the correlation between public and private interests, as well as to the problem of balancing state digital security with the protection of participants in digital relations. The article also examines current legal regulations, judicial practice, and international approaches to the regulation of the digital environment. It is concluded that there is a need to develop a comprehensive mechanism for protecting the rights of*

economic entities based on the principles of proportionality, consistency, and technological adaptability.

Keywords: *digital transformation, digital rights, protection of rights, digital platforms, information security, public and private interests.*

Термин «концепция» здесь и далее понимается как внутренне непротиворечивая система знаний – понятий, представлений, идей и принципов, в обобщённой форме раскрывающая существенные свойства (признаки) и взаимосвязи (отношения) в области защиты прав субъектов экономической деятельности в цифровой сфере.

Основной целью здесь выступает формирование теоретических основ концепции обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности в цифровой сфере. Объектом концептуального исследования выступают отношения, связанные с формированием теоретических основ обозначенной концепции, а в качестве предмета познания – то, как они трансформируются в конструкт для дальнейшего их творческого развития.

Предлагаемую концепцию условно можно обозначить как взаимно интегрированный аналого-цифровой комплексный теоретический подход к изучению отношений, связанных с обеспечением защиты прав субъектов экономической деятельности в цифровой среде.

Как и во всяком концептуальном исследовании, в рассматриваемой концепции необходимо, прежде всего, выделить ряд основных, смыслообразующих (системообразующих) категорий и понятий, составляющих её научно-теоретический «каркас» (архитектонику, основное построение). Понятийные ряды – это структурные элементы научной концепции, представляющие собой системы взаимосвязанных понятий, отражающих существенные свойства (признаки), связи и отношения изучаемого предмета. Такие «ряды» помогают организовать систему понятий, зафиксировать логические связи между ними и обеспечить их координацию.

Среди таких системообразующих категорий и понятий можно указать следующие «субстанции», в рамках которых необходимо выделить соответствующие «понятийные ряды», выражающие сущностные моменты рассматриваемой концепции.

I. Общий понятийный ряд, который выражается в следующих категориях: нормативные и иные основы обеспечения защиты прав субъектов в цифровой среде, безопасность, «большие данные», защита, цифровые права, объекты цифровых прав, цифровизация, цифровая среда, цифровые технологии, цифровые платформы – феномены, которые достаточно подробно рассматривались в предшествующих параграфах настоящего исследования.

Что касается нормативных и иных основ защиты прав субъектов в цифровой среде, то в этом направлении можно отметить следующее. Прежде всего, такие «основы» характеризуются комплексным характером, различной их субстанциональной природой.

1. Так, безусловно, продолжают действовать, в том числе в информационно-цифровой среде, общие нормы аналогового права, касающиеся защиты прав. Например, в статье 12 Гражданского кодекса РФ установлен ряд способов защиты гражданских прав и, кроме того, в названном Кодексе предусмотрены и другие «аналоговые» способы защиты – «самозащита» гражданских прав (ст. 14), возмещение убытков (ст. 15) и т. д.

2. В качестве другого важного основания защиты прав в цифровой среде выступают общие нормы цифрового права, установленные в Гражданском кодексе РФ, содержащие общие нормативные установления, а также в других законах, регулирующих информационные цифровые отношения – норма в статье 128 ГК РФ, предусматривающая цифровые права в качестве объекта гражданских прав; нормативные положения, устанавливающие требования к цифровым правам (ст. 141.1 ГК РФ); нормы Федерального закона об информации, информационных технологиях и о защите информации; нормы, регламентирующие отношения, связанные с использованием цифровых платформ, цифровых активов и т. д.

3. Однако особая роль и значение в защите прав субъектов в информационно-цифровой среде принадлежит специфическим технико-юридическим нормам, разрабатываемым операторами цифровых платформ и используемым в отношениях между участниками и пользователями цифровых платформ. Так, в рамках платформы Youtube была разработана и внедрена специфическая новая информационно-цифровая технология – Content ID – автоматизированная система идентификации контента YouTube, которая позволяет правообладателям находить на платформе ролики, в которых незаконно используется их контент и, таким образом, защитить их права и управлять своим контентом.

4. Безусловно, важная роль в качестве основания для защиты прав субъектов в информационно-цифровой сфере принадлежит актам судебных органов, соответствующая практика которых постепенно формируется. Однако в этом направлении возникает немало проблем, которые связаны с тем, что традиционные, «аналоговые» способы защиты гражданских прав в условиях принципиально иной – цифровой – среды оказываются недостаточно эффективными либо вообще в некоторых случаях не могут быть использованы для этой цели; между нормами аналогового права и нормами цифрового права существует немало «пробелов», моментов несогласованного, противоречивого правового регулирования, что, безусловно, негативно отражается на обеспечении защиты прав субъектов в указанной сфере.

II. Категории, связанные с защитой личных неимущественных и иных благ гражданина – прав гражданина в информационно-цифровой среде, персональные данные, иная информация, относящаяся к частной сфере лица.

В соответствии с положениями статьи 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Признанию и обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе в цифровой среде, посвящён ряд документов международного характера. Так, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Право на

неприкосновенность личной жизни в цифровой век» (2013) подтверждает, что те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также признаваться и защищаться и в режиме онлайн, особенно право на неприкосновенность личной жизни.

Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных ETS № 108 (Страсбург, 28 января 1981 г.) (с изменениями и дополнениями) [3] – регулирует отношения, связанные с обработкой персональных данных, направлена на обеспечение защиты прав физических лиц от злоупотреблений при сборе и обработке таких данных.

В России в 2025 году принят ряд законодательных актов и иных документов, направленных на защиту прав граждан и противодействие незаконным действиям в цифровой среде. Так, в Федеральном законе от 13 февраля 2025 года № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] (ст. 6, пункт «г») введено такое понятие, как «период охлаждения» в отношении потребительских кредитов и займов с тем, чтобы удерживать граждан от скоропалительных решений, принятых под влиянием психологического воздействия со стороны недобросовестных лиц.

В связи с принятием Федерального закона от 31 июля 2025 года № 290-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ряд дополнений, касающихся защиты прав в цифровой сфере, был внесён в Закон о защите прав потребителей, о чём дополнительно будет отмечено ниже. Кроме того, дополнения и поправки, касающиеся защиты прав граждан, содержатся и в ряде других законодательных актах и иных документах, изданных в последнее время [7, 8].

С первого апреля 2025 года на портале «Госуслуги» Запущен новый сервис, который позволяет гражданам проверять все SIM-карты, зарегистрированные на их имя, что направлено на повышение безопасности и защиты прав граждан от мошеннических действий, предоставляя пользователям возможность предотвращать несанкционированное использование их данных. В

то же время в рамках новых правил введено ограничение на количество SIM-карт, которые могут быть зарегистрированы на одного гражданина – не более двадцати.

Что касается защиты персональных данных в цифровой среде, то этот вопрос выше уже подвергался анализу.

В рамках направления «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0» в 2025 году был опубликован «Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» [10]. Однако этот документ нельзя «смешивать» с предлагаемой в настоящем исследовании Концепцией, поскольку он носит общий политико-правовой характер и в качестве предмета рассмотрения в нём выступают общественно-политические проблемы, касающиеся политики государства, связанной с цифровой трансформацией в РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в законодательстве и других документах в цифровой сфере формируется тенденция, направленная на усиление защиты прав граждан, выступающих в качестве потребителей услуг, товаров в цифровой среде.

III. Категории, связанные с защитой публично-правовой информации в цифровой среде, выступающей (информации) в качестве объекта общественной, государственной, национальной и экономической безопасности.

Категория «публично-правовая информация в цифровой среде» в юридической науке относится к числу недостаточно исследованных. Представители науки цифрового права и некоторых других правовых научных направлений делают основной «акцент» в работах на изучении информационной стороны цифровизации, исходя из анализа степени влияния и роли информационных технологий в формировании виртуальной среды [5, с. 8].

Понятие информации в цифровой среде дано в пункте 1 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: информация – это сведения (сообщения, данные)

независимо от формы их представления. Однако это достаточно общее определение, конкретизировав которое можно отметить следующее.

Публично-правовая информация в цифровой сфере – это специфические сведения (сообщения), данные, которые выступают в качестве объекта правового регулирования в указанной сфере с учётом особенностей, связанных с макро-массивом такой информации, высокой скоростью её создания, распространения посредством электронно-цифровых каналов.

Поскольку в информационном «поле» в цифровой среде функционирует также и личная (частная) информация, то, в отличие от последней, информация публично-правового характера содержит в себе такие сведения (данные), которые непосредственно затрагивают интересы общественной, государственной, экономической безопасности России, её цифрового суверенитета и т. д., что обуславливает необходимость использования публично-правовых форм (способов) её регулирования.

Защита публично-правовой информации в цифровой сфере осуществляется различными способами, предусмотренными в Федеральном законе № 149-ФЗ, в том числе путём подразделения её на общедоступную и информацию, доступ к которой ограничен (информация ограниченного доступа) или запрещён законом, то есть посредством установления соответствующего публично-правового режима той или иной категории такой информации и т. д.

IV. Категории, связанные с защитой прав и законных интересов субъектов экономической деятельности – как участников и пользователей посреднических цифровых платформ.

В качестве участников правоотношений, складывающихся на основе посреднической цифровой платформы, выступают различные субъекты – оператор цифровой платформы, партнёры-участники (продавцы, исполнители, исполнители услуг), пользователи и другие лица, между которыми складываются различные по содержанию и характеру правовые связи.

В контексте защиты прав участников указанных правоотношений очень важно определиться с субъектным составом – сторонами конкретных

правоотношений, складывающихся на основе посреднической цифровой платформы. В Федеральном законе № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступающий в силу с 1 октября 2026 г.) субъектный состав определён применительно к отношениям, связанным с взаимодействием оператора посреднической цифровой платформы с партнёром-исполнителем (физическим лицом) (ст. 17), налоговыми органами (ст. 20) и др. Что же касается пользователей-заказчиков, то из содержания статей 15–16 выше названного Федерального закона № 289-ФЗ, можно сделать вывод о том, что пользователи-заказчики заключают соответствующий гражданско-правовой договор с оператором посреднической цифровой платформы.

Однако, в связи с этим возникает вопрос: может ли пользователь-заказчик «напрямую» заключить с продавцом гражданско-правовой договор на базе посреднической цифровой платформы?

В Федеральном законе № 289-ФЗ такая договорная юридическая конструкция отсутствует, хотя и какого-либо запрета по этому поводу также не содержится. Поскольку этот вопрос непосредственно касается защиты прав пользователей-заказчиков товаров, работ на базе посреднических цифровых платформ, то его следовало бы более чётко урегулировать на законодательном уровне.

Защита прав участников отношений, связанных с использованием посреднических цифровых платформ, осложняется также и тем, что правовой «статус» оператора такой платформы носит сложный характер – он одновременно выступает в нескольких «ипостасях», в том числе, разрабатывает и утверждает локальный акт – правила цифровой платформы и в то же время выступает в качестве лица, которое должно обеспечивать защиту прав пользователей цифровой платформы, в результате чего потенциально создаётся «конфликт интересов». Поэтому с целью обеспечения защиты прав пользователей посреднической цифровой платформы необходимо со стороны уполномоченного федерального органа исполнительной власти осуществление

систематического мониторинга в отношении правил (требований) цифровых платформ на предмет их соответствия требованиям законодательства, в особенности, касающимся защиты прав пользователей таких цифровых платформ.

В сфере электронной коммерции с точки зрения субъектного состава в зарубежной литературе, обычно, выделяют: 1) договоры, заключаемые между предпринимателем и потребителем, Business-to-Consumer (B2C); 2) договоры, заключаемые между предпринимателями, Business-to-Business, B2B, 3) договоры, заключаемые между потребителями, Consumer-to-Consumer (C2C) и др [13, с. 7].

В рассматриваемом контексте также представляет интерес европейский опыт правового регулирования цифровых коммерческих отношений с участием владельцев агрегаторов. Как отмечено в статье 2 Проекта Директивы об онлайн-посреднических платформах, разработанного исследовательской группой европейских учёных Университета Оснабрюк (Германия) и Ягеллонского университета (Кракова) в 2016 году, онлайн-посредническая платформа представляет собой информационный социальный сервис, который доступен через Интернет или аналогичные цифровые средства, позволяющие клиентам заключать договоры с поставщиками товаров, услуг или цифрового контента, за исключением услуг, которые только идентифицируют и направляют клиентов к этим поставщикам, предоставляя их сайты или контактные данные [12].

V. Иерархический уровень построения понятийной системы концепции. Соотношение защиты частной (личной) и публичной информации в цифровой среде.

Анализ этого вопроса своими истоками («корнями») уходит в выяснение сущности такой «макро-проблемы», как соотношение публичного и частного интересов.

Проблемы понимания, соотношения и взаимодействия публично-правовой и частноправовой сфер, публичных и частных интересов – всегда в той или иной форме привлекали внимание учёных-правоведов и иных исследователей, а также

правоприменительной практики [11, с. 5-6]. В. С. Белых характеризует управленческую деятельность государства как «упорядочение экономических отношений», в том числе, «путём государственной поддержки и защиты публичных и частных интересов» [1, с. 46]. Указанные проблемы приобрели особую актуальность в связи с необходимостью обеспечения защиты общественной и государственной безопасности, национального суверенитета и обороноспособности государства в условиях глобальных вызовов и угроз в информационно-цифровой сфере.

Безусловно, только поиск «баланса», сбалансированного правового обеспечения публичных и частных интересов, сможет создать необходимые условия для стабильного развития российской экономики, в том числе в сфере масштабной цифровой трансформации, связанной с созданием и внедрением инновационных цифровых технологий. «Руководствуясь этим принципом, органы власти не могут возлагать на граждан и юридические лица обязательства, превышающие установленные пределы необходимости, вытекающие из публичного интереса, для достижения цели, преследуемой данной мерой» [1, с. 50; 9, с. 161].

В настоящее время в системе российского законодательства формируется такой механизм, включающий в своё содержание достаточно большое количество различных правовых и иных средств (мер, способов и других «инструментов»), призванных обеспечить сбалансированное регулирование публичных и частных отношений в современных условиях цифровой трансформации экономики. И здесь, прежде всего, возникает проблема методологического и практического характера, связанная с тем, как следует понимать категорию «баланс» – применительно к соотношению публично-правового и частноправового интересов, в том числе в цифровой сфере.

Европейский Суд по правам человека в одном из своих решений, обсуждая вопрос о допустимости вмешательства государства в имущественные права частных лиц, сформулировал такой критерий: «... Суд должен установить, было

ли соблюдено справедливое равновесие между требованиями общественного интереса и требованиями защиты основных прав частных лиц» [2, с. 71].

В правовых порядках стран Европейского Союза широко используется принцип пропорциональности, сущность которого, кратко, выражается в том, что органы власти не могут возлагать на граждан, юридических лиц и других субъектов обязательства, превышающие разумные пределы необходимости, обусловленные публичными интересами, для достижения соответствующей публичной цели.

В правовой системе США при анализе соотношения публично-правового и частноправового регулирования используется, так называемый, метод «взвешивания интересов», который по своей субстанциональной сущности, как представляется, мало чем отличается от европейского принципа пропорциональности [4, с. 60].

Безусловно, проблема соотношения публично-правового и частноправового регулирования общественных отношений неоднократно выступала в качестве предмета обсуждения, в том числе, на уровне высших судебных инстанций в правовой системе РФ. Так, Конституционный Суд РФ, анализируя пределы вмешательства государства в предпринимательскую деятельность, в своём Постановлении от 16 июля 2004 года № 14-П сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой ограничение федеральным законом права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности, возможно, только если оно отвечает требованиям справедливости, адекватно, пропорционально, соразмерно и необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц, и не затрагивает само существо конституционных прав, т.е. не ограничивает пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм.

В другом своём Постановлении от 25 декабря 2020 года № 49-П Конституционный Суд РФ, анализируя условия допустимого ограничения при

коронавирусной пандемии прав субъектов, предусмотренных положением части 3 статьи 55 Конституции РФ, сформулировал те требования (критерии), при наличии которых это возможно:

- а) наличие конституционно значимой цели;
- б) соблюдение требований пропорциональности и соразмерности ограничения;
- в) форма ограничения – федеральный закон.

В связи с выше отмеченным представляется необходимым обратить внимание на следующее.

Во-первых, категория «баланс» в соотношении и взаимодействии публично-правового и частноправового регулирования может (и должна) интерпретироваться в объективном и субъективном смысловых значениях. По существу, объективное смысловое содержание указанной категории образуют те требования (правоположения), которые сформулированы Конституционным Судом РФ в ряде его соответствующих Постановлений, поскольку эти требования (правоположения) носят принципиальный характер и подлежат применению во всех случаях, когда речь идёт об ограничении прав и законных интересов граждан, субъектов предпринимательства и иных участников общественных отношений. Совокупность указанных требований (правоположений), изложенных в Постановлениях Конституционного Суда РФ, образуют, своего рода, «стандарт» поведения субъектов при решении вопросов, связанных с поиском обеспечения баланса частноправовых и публично-правовых интересов.

Что касается значения обозначенной категории «баланс» в субъективном смысле, то это следует понимать в контексте того, что сформулированные Конституционным Судом РФ требования (правоположения), касающиеся необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов, подлежат применению в конкретных случаях с учётом специфических условий и обстоятельств, характерных для соответствующих ситуаций.

Во-вторых, одна и та же категория «баланс» в обеспечении соотношения и взаимодействия частных и публичных интересов, однако если она применяется в принципиально разных социально-экономических условиях и обстоятельствах – при регулировании нормального (обычного) рыночного оборота и в условиях глобальных информационно-цифровых вызовов и угроз (глобальных кибератак) – приобретает ряд специфических (особых) признаков (свойств), которые, безусловно, необходимо учитывать при разработке и применении различных мер (средств, способов и т. д.) защиты и противодействия таким вызовам и угрозам.

В-третьих, как представляется, при формировании баланса в соотношении публично-правовых и частноправовых элементов в правовом регулировании тех или иных общественных отношений, в том числе в информационно-цифровой сфере, необходимо также учитывать то, что здесь не существует каких-либо, своего рода, констант – постоянных, абсолютно неизменных и «вечных» требований (критериев), определяющих «границу» между «частным» и «публичным» независимо от тех или иных социально-экономических, политических, национально-стратегических и иных ключевых факторов.

Иначе говоря, при регулировании различных отношений в информационно-цифровой сфере соотношение между публично-правовыми и частноправовыми элементами не является постоянным (неизменным) и может быть «смещено» («сдвинуто») в сторону публично-правового либо частноправового регулирования в рамках общих требований о необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов, учитывая установленные законодательством конституционные цели и задачи обеспечения кибербезопасности России, её национально-стратегические интересы, необходимость защиты прав и законных интересов граждан, в том числе в цифровой сфере

С учётом выше отмеченного представляется возможным сформулировать ряд требований (критериев), которые должны учитываться при установлении правовых ограничений (запретов, предписаний) в отношении субъектов в информационно-цифровой сфере в условиях глобальных кибер-угроз и вызовов.

1. Информационно-технологические, организационно-правовые и иные меры защиты публичных интересов в цифровой среде должны носить, прежде всего, обоснованный характер – быть технически, информационно-технологически, юридически, с точки зрения развития цифрового права, и т. д. глубоко проработанными, необходимыми и целесообразными, исключая ситуации, когда на практике они оказываются недостаточно эффективными либо сопряжены с негативным воздействием на развитие цифровизации, или их введение нивелирует достигаемый при этом положительный эффект.

2. Такие меры должны быть своевременными, адекватными и достаточными для решения тех или иных конкретных задач в рамках установленных законодательством целей по обеспечению устойчивого развития цифровизации российской экономики, информационно-цифровой безопасности общества и государства, защиты прав и законных интересов граждан и других субъектов в цифровой среде.

3. Меры противодействия угрозам и вызовам в цифровой сфере должны носить комплексный и взаимоувязанный характер – технические, информационно-технологические, юридико-цифровые средства (нормы цифрового права и др.), а также «аналоговые» административные, финансовые, налоговые, гражданско-правовые (частноправовые), предпринимательско-правовые и другие нормы правового воздействия должны находиться между собой в системном единстве, тесной корреляционной взаимосвязи и взаимодействии с тем, чтобы одни из них не нивелировали действие других, а все вместе (в совокупности) они функционировали как единый, слаженный, комплексный механизм для достижения установленных целей.

4. Меры, связанные с ограничением прав граждан, а также иных субъектов в информационно-цифровой сфере, должны быть сбалансированными (соразмерными, пропорциональными) и не ущемляющими возможности граждан по реализации их конституционно значимых прав и законных интересов, в том числе в сфере информационно-цифровых технологий. Ограничение прав субъектов в цифровом пространстве в соответствующих

случаях должно в той или иной форме уравниваться предоставлением им соответствующих иных благ в информационно-цифровой среде, иных возможностей удовлетворять свои потребности в цифровой информации и услугах, а при невозможности этого – предоставлением необходимых компенсаций и другой защиты и поддержки.

5. Вопрос о приоритете частных и публичных интересов при регулировании тех или иных отношений в специфических условиях цифровой среды относится к дискреции законодателя, а также, при разрешении споров, судебных инстанций, и должен решаться, исходя из особенностей конкретной ситуации, связанных с социальной оценкой соответствующих публичного и частного интересов, степени и характера влияния того или другого из них на обеспечение общественной и государственной безопасности России, удовлетворение её стратегических и национальных потребностей и т. д., о чём дополнительно будет отмечено ниже.

6. Поскольку публично-правовые ограничения частных прав субъектов в цифровой сфере устанавливаются при условии возникновения специфических (особых) обстоятельств и связаны с теми или иными ущемлениями прав субъектов, то такие меры должны быть рассчитаны на определённый срок их действия, однако с возможностью, при необходимости, последующей их пролонгации.

7. Если в условиях обычных рыночных отношений ограничение прав и законных интересов субъектов допускается только на основании и в случаях, предусмотренных законом, то при возникновении критически значимых кибер-угроз и вызовов в цифровой среде – сложившихся особых обстоятельств – введение соответствующих мер защиты предусмотрено не только на основании закона, но и должно быть также установлено посредством издания Указа Президента РФ либо Постановления Правительства РФ – при условии делегирования им соответствующих полномочий.

В порядке заключения по данной статье можно сделать следующие выводы.

Во-первых, предлагаемая Концепция в своей сущности – есть конструктивный подход к пониманию и построению деятельности, связанной с защитой прав субъектов в цифровой среде, структурно включает в своё содержание ряд взаимосвязанных, непротиворечивых теоретических положений, касающихся регулирования отношений в указанной сфере, с учётом специфики цифровых прав, а также цифровых вызовов и угроз.

Во-вторых, сформулированная Концепция носит комплексный характер, включая в своё содержание теоретические положения о защите прав субъектов в цифровой среде, касающиеся, в частности, защиты цифровой идентичности, права на доступ к цифровым технологиям, права на творческое самовыражение в цифровой среде, права на защиту персональных данных и т. д.

В-третьих, приоритетом защиты здесь выступает обеспечение информационно-цифровой безопасности интересов общества, государства, экономической системы России, её цифрового суверенитета, а в качестве условий соблюдения указанного приоритета выступает необходимость обеспечения при этом справедливого, на основе сбалансированного и соразмерного учёта прав и законных интересов человека в цифровой среде.

В-четвёртых, разработанная Концепция построена с учётом положений Конституции РФ, нового российского законодательства в цифровой сфере, судебной практики в указанной области, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, некоторых других связанных с ней документов, международных потребностей в защите цифровых прав и потенциально содержит в себе возможность в будущем интеграции её в Концепцию развития информационного общества в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Белых В.С. Модернизация российской экономики и предпринимательского законодательства: вопросы теории и практики: монография / под общей ред. акад. РАН А. И. Татаркина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. – 144 с.

2. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). – М.: Юристъ, 2004. – 286 с.

3. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных ETS N 108 (Страсбург, 28 января 1981 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // ЭПС Система ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/2559798/?ysclid=mkqx9wo4a2413700048> (дата обращения: 28.05.2026).

4. Моше К.-Э., Иддо П. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 3. – С. 60-81.

5. Пащенко И.Ю. Информация как объект публично-правового регулирования в условиях цифровизации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2022. – 300 с.

6. Собр. законодательства РФ. 2025. № 7. Ст. 541.

7. Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510534/ (дата обращения: 28.05.2026).

8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и защите информации (с изм. И доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 28.05.2026).

9. Хартли Т.К. Основы права европейского сообщества. – М., 1998. – 703 с.

10. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0: Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – Москва, 2025. – 84 с.
11. Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. – 2012. – № 2. – С. 5-15.
12. Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms, 5 (2016) Journal of European Consumer and Market Law. P. 164-169. [Электронный ресурс] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Papers.cfm?abstract_id=2821590 (Дата обращения: 28.05.2026).
13. Schneider G. Electronic Commerce. Course Technology. Mass. 9th ed. 2011. 55 p.